

Журнал «Континент» готовит к печати восемь рассказов известной писательницы Елены РЖЕВСКОЙ.

С любезного согласия автора и журнала предлагаем вниманию читателя один из них.

В день рождения Сталина 21 декабря (1996) ведущий программы новостей НТВ в заключение поведает: 12 лет назад в день рождения Сталина скончался народный артист СССР, исполнитель роли Сталина в фильмах — Михаил Геловани, преследуемый кошмарами: тело Сталина в мавзолее портится, разрушается, и подменить его, сыграть эту последнюю роль принудят Геловани.

В вечернем выпуске новостей это сообщение было повторено. Оно могло сойти за анекдот. Мне же показалось, что могло быть правдоподобным, и побудило восстановить то, что случилось мне узнать о Михаиле Геловани.

А было это так. С его сыном познакомил меня Вячеслав Кондратьев. В то лето Кондратьев отдыхал в доме отдыха ВТО, километрах в десяти от лесного домика, где жила я. Он оказался соседом по столу с главным режиссером Воронежского театра оперы и балета и за разговором с ним упомянул меня. Режиссер восторженно, оказалось, что он сочинил либретто то ли балета, то ли оперы по мотивам моей книги с главной партией военной переводчицы по имени Елена. Узнав, что я нахожусь неподалеку, он настоял, чтобы Вячеслав отвез его ко мне, ему не терпелось увидеть живой прототип своей героини.

Вот так однажды в моем лесном уединении требовательный стук в дверь разбудил меня. Было хотя и позднее утро, но самый сон для «совь», к тому же накануне вечером я вернулась из города, вымотавшись.

Кому понадобилось вламываться ко мне? Я выжидала напруженно. Может, решат, что меня нет, и уйдут.

В то лето вообще было неспокойно. В придачу разгулялась «Память». На их листовки с призывом к еврейскому погрому можно было наткнуться в будке телефона-автомата, в подземном переходе, на троллейбусной остановке и даже, как мне говорили, в вестибюле МГУ.

Стук повторился еще настойчивее. Я спешно натянула свитер, брюки, ополоснула лицо. Кто? Господи, Вячеслав! Как я обрадовалась ему.

— Как это вы тут одна в глуши! — с порога накинудил Кондратьев. — Я и то не согласился бы.

Ну, а для меня не было большего блага, чем это уединение в маленьком домике среди леса, а то, что иногда бывало чуть жутковато, только прибавляло приверженности ко всему тут.

Кондратьев представил своего спутника: Георгий Михайлович Геловани. Среднего роста, темноглазый, с пристальным, заинтересованным взглядом, при бороде. Вот, пожалуй, все.

До сих пор я не приспособилась отчетливо воспринимать тех мужчин, что обзавелись бородой. Нередко они мне кажутся на одно лицо или очень уж схожими. А если и нет, то нечто индивидуальное в их лицах защищено, затемнено, утоплено в бороде.

Геловани объяснил, что привело его ко мне, чем вызвано желание познакомиться, — ну и, значит, о своем либретто. У него в Воронеже, в театре, приступают к репетициям. На груди у него висел фотоаппарат, и, как только мы вышли, он снял нас с Вячеславом вместе, а передав ему аппарат, попросил, чтобы он сфотографировал его со мной. Я обычно избегаю фотографироваться — нефотогенична, — тем более с посторонним, но упираться было неловко.

Разговор вертелся вокруг либретто, автор рассказал, что придумал

мне трогательную и печальную фронтальную любовь. «А в том месте, где у вас старуха протягивает пленному немцу миску с кашей: «Жри!»...» «Да нет у меня этого! Она протягивает ему миску с кашей и плачет», — прервала я его, негодуя. Он записал мой адрес, чтобы прислать фотографии, и вскоре на машине Кондратьева они укатили в дом отдыха ВТО.

Я осталась в недоумении и досаде — не была спрошена заранее, готова ли разрешить использовать мою книгу. А тут еще и текст увечат. Как он вообще соотносится с танцем? Нелепо. Геловани, кажется, говорил, что женат на молодой балерине. Вероятно, это она метнется из-за кулис на пуантах и в очаровательной своей пачке станет в разных па-де-де и прочих тру-ля-ля танцевать военную переводчицу Елену — меня.

Спустя полгода внезапно, без предварительного телефонного звонка, появился Геловани, принес обещанные фотографии.

Он был какой-то совсем другой. Что-то в его жизни переломилось: он

«Уже стоя в дверях, обернувшись, Сталин произнес: — Обаятельно Геловани сыграл товарища Сталина»

ную картину они выстраиваются, — вот уж где и сценарий, и либретто, и роман! Но можно понять — это ведь об отце и неприложимо для сына к художественным домыслам.

Так вот, отец — Михаил Георгиевич Геловани — был женат на богатой батумской еврейке. Еще до первой мировой войны играл в театре драмы не то в Батуме, не то в Тифлисе. Он был замечательный романист, как выразился мой собеседник. Публика ходила по множеству раз, чтобы услышать в спектакле исполнение им романсов.

В 20-е годы он снялся в трех фильмах тифлиских студий. В каждом из них герой сходит с ума: в фильме «Три жизни» — из-за смерти жены; во втором — «Два охотника» — оттого, что его преследует образ брата, которого он не спас из объятий медведя, потому что они были соперниками в любви; в третьем фильме — «Злой дух» — из-за гибели дочери утонувшей. «Этот фильм», — сказал Георгий Михайлович, — обошел весь мир. Бабушка видела в США кадр из фильма «Падение Берлина». В роли Сталина — Михаил Геловани.

Михаил Геловани

Последняя роль

Моск. новости. — 1998, — 29 марта — 5 апр. — с. 34

в нее, воплотиться в образе Сталина, Геловани предстал на экране в разных ипостасях — сумасшедшего, убийцы, предателя, агента охраны. Так это сошлось.

В Москве артиста Михаила Геловани поселили в доме, что напротив «Арагви». Жил один. Безалаберно. Безденежно. Из «Арагви» ему принесли на дом обед.

Звонок: «Спуститесь вниз, сейчас за вами подойдет машина, поедете к товарищу Сталину». Он посчитал, что его разыгрывают. Михаил Чиаурели был на это мастер. Опять звонок. Отмахнулся: «Миша, ну чего разыгрываешь!» — наконец понял, что вправду.

Повезли на дачу. Он — в полуфренче. По безалаберности и безденежности костюма не имел, но в Грузии многие так ходили одеты. Чиаурели ждал в вестибюле на даче. Как увидел: «Ты меня убил!» Полуфренч ли имел в виду или задержку с приездом?

Пошли к Сталину. У него Чарквиани, тогдашний секретарь ЦК Грузии. «Вы знакомы, ведь из одной деревни», — столкнул их Сталин. Тут отец сторел.

— С чего? — недоумеваю я. — Осрамил его Сталин. Чарквиани были крепостными у князей Геловани. В Грузии известно, чьи земли где были.

Ну я-то думаю, Сталину импонировало, что его играть будет князь. Известно, он имел обыкновение перед встречей посмотреть досье. И при его-то цепкой памяти любил ошеломить. Мне рассказывал командующий армией И.М. Чистяков: представ перед Сталиным за новым назначением, был опарашен: Сталин без бумажки чешет по фактам его биографии. Всевидящее око...

Повезли на просмотр Сталину первый фильм. Он сел в кресло («полувольтеровское», сказал мой собеседник), утонул. Позади него — Чиаурели, отец, Храпченко. Голова Сталина не видна, спинка кресла над ней, только свисавшие по сторонам его руки видны.

Геловани-сын откинулся в кресле, развел руки и свесил с подлокотников — представил, как сидел Сталин, будто сам там присутствовал.

Фильм кончился. Сталин молча поднялся, пошел к двери, не произнес ни слова. Они сидят ни живы, ни мертвы.

Дверь закрылась. Они повскакали с мест, бросились обниматься, целоваться, вне себя от счастья.

Фильмы делались тогда года два, а Чиаурели предугадывал заранее, что будет нужно, такой это был человек, говорит сын Геловани. В первом фильме со Сталиным, в «Великом зареве», Сталин-Геловани читает, поет. А в «Падении Берлина» Сталин целует руку Гиацинтовой — в сцене в Кремле с многодетными матерями. Кто мог себе такое позволить! Только Чиаурели. Угадывал и попадал в точку. И всякий раз снова угадывал.

— А отец, он играл свою мечту о Сталине. Ведь Сталин маленький, левая рука короче, в оспинах лицо. Отец играл его таким, каким хотелось ему видеть Сталина.

Снявшийся в роли Сталина артист Алексей Дикий, по словам Георгия Михайловича, менее угодил Сталину. Больше никто не играл Сталина, только отец.

Не решаюсь навязывать сыну то, что думаю. Выбор замкнулся на его отца, окончательно решив участь артиста Геловани. Защелкнуло в клетке, позлачиваемой почестями, сталинскими премиями за актерское искусство, высшим званием — народного артиста СССР. Однажды даже встречал Новый год у Сталина в узком кругу: Сталин, Чиаурели, Геловани. И все, никого больше. Сталин любил грузинское народное пение и церковное тоже. А Геловани был солистом в архиерейском хоре в соборе в Кутаиси. Сталин любил его слушать. Поднял первый тост:

— За товарища Сталина, вождя народов.

— Это всерьез он? Не в шутку?

— Нет, нет. Серьезно. Понимаете, он отделял товарища Сталина, вождя народов, от себя.

— Так ведь это что-то вроде раздвоения личности.

Как бы там ни было, то был последний раз, когда Геловани пел. Да больше и не для кого было петь. Жил он одиноко, замкнуто. С женой давно расстался, сын приезжал к нему. Все, чем делился отец, запало, носит в себе и с его слов рассказывает, как очевиден.

В молодые годы, наверно, обжигало тщеславием за отца. Это и понятно. А осознавал ли уже взрослым, как выморочно, призрачно, принудительна и поднадзорна его жизнь двойника. И ни шагу в сторону — никакой иной роли. Только роль Сталина для Сталина. Столь почетна роль, что ни игры, ни художественного озарения, однако чтоб с обаянием. Жил вдаль от Грузии, на привязи у Москвы. И ни тебе прежних застолий, жизнелюбия, театральных подмостков, аплодисментов. Бывший «романист», любимец публики, видел себя ежеминутно только глазами Сталина. Все свое, личное вытеснено размещившимся в нем Сталиным. Его смерть могла опустошить Геловани, но не вывести из-под его посмертной власти. И правдоподобна на краю уже его собственной жизни эта мука: его, сталинского избранника-двойника, заживо уложат в гроб вместо разлагающегося тела мертвеца, заставят играть последнюю, зловещую роль.

В одном лишь ошибся ведущий телепрограммы: умер Геловани не 12 лет назад. Какое там! Он умер давно — в 1956-м, в год разоблачения Сталина. В день его рождения 21 декабря. Так расположилась дата его смерти.

А ведь Геловани «играл свою мечту о Сталине». И Сталин видел себя в его исполнении — обаятельно.